

A miniature violin and piano are shown on a textured orange background. The violin is in the foreground, and the piano is behind it. The text is overlaid on the image.

Светлана Хрусталева

Твоя
музыка —
моя жизнь

Светлана Хрусталева

Твоя музыка – моя жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416503

ISBN 9785005057709

Аннотация

Выбирая в профессию музыку – ты выбираешь жизнь. А если она лежит в руинах из-за выбора? То только сама музыка сможет привести помощь. Услышав мелодию отчаяния, Энни Левейт и не подозревала, что этот тоскливый мотив перевернет ее жизнь...

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	16
Музыкальный листопад	16
Глава третья	20
Веселый Маэстро	20
Глава четвертая	25
Мрачный скрипач	25
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Хитрый план	36
Глава седьмая	41
Смелая попытка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Твоя музыка – моя жизнь

Светлана Хрусталева

© Светлана Хрусталева, 2019

ISBN 978-5-0050-5770-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается всем тем, кто хранит любовь
И музыку в своем сердце...*

Предисловие

«Я вспоминаю тебя, каждый раз, когда слышу музыку. Я живу ей, а, значит, живу тобой. Если бы не было тебя, не было бы и меня. Мы едины. И соната наших сердец звучит в унисон»

«Я счастлив, каждый раз, когда вижу тебя. Хочется подарить тебе мелодию моей души. Я отдаю тебе все, что у меня есть. Моя жизнь – это музыка. Ты живешь ей, значит, и я живу тобой. Я хочу, чтобы ты слышала, что мое сердце бьется в такт с твоим»

Листы дневника будет трепать ветер. Записи будут сделаны несколько минут назад. Вслушиваясь в благословенную тишину ночи, у окна будут стоять двое. А за окном будет огромное темно-синее небо, и сверкающие звезды будут тихо шептаться с ласковым морем.

Глава первая

Дождь прошлого или как плачут струны

Тусклый луч догоравшего солнца освещал комнату и саму Анну Клер. Все знакомые звали ее Энни, почему-то официальное полное имя никогда не нравилось девушке. Она сидела на широком подоконнике и задумчиво перебирала золотистые пряди своих длинных волос, поглядывая то в окно, то в лежащую у нее на коленях книгу. Это был исторический роман, герои которого стремительно кружились в любовном водовороте. Весьма запутанный сюжет, ослепительно красивые персонажи, пылкая любовь, словом, полный набор для чувствительных юных особ, которые часто отождествляют себя с героями в разных фантазийных ракурсах. Но почему-то это не грело задумчивую девушку.

Энни взяла этот роман в библиотеке. Ощущая острый недостаток эмоций в своей жизни, девушка хотела восполнить его книжными чувствами. Честно прочитав до середины, Энн откровенно заскучала. Некоторые романы о любви похожи как две капли воды и этот не стал исключением. Почувствовав, что на сегодня её страсть к любовным интригам остыла, девушка отодвинула книгу. Обняв колени и прижавшись лбом к прохладному стеклу, она выжидательно уставилась на улицу за окном.

Начало сентября в этом году выдалось удивительно теп-

лым, словно лето совсем не спешило уходить, а предпочло задержаться ненадолго вопреки природе. Деревья, в уже привычном зеленом уборе, тихо шелестели листьями вслед закату солнца. Поздние прохожие торопливо проходили мимо. Тихо становилось на улице. В темном доме напротив, пугающем своей высотой, начали зажигаться окна. Словно давно не тронутый пазл заполнялся сияющими детальками. Чопорный бетонный дом, днем старательно скрывавший радость по поводу населяющих его людей, сейчас просто светился от счастья, принимая всех под свою гостеприимную крышу.

Энни часто любила сидеть в сумерках и фантазировать или скорее оживлять окружающие предметы. Дом напротив, казался милым старичком, который хлопотал о каждом своем жильце; высокие деревья за окном напоминали ей аристократов, собравшихся на светский раут, для ведения серьезной неспешной беседы. Об этом она по-прежнему мечтала и часто читала в книгах, поэтому теперь, с радостью переносила эти знания в жизнь, охотно наделяя окружающие предметы только ей одной известными качествами и свойствами.

Стекло, к которому прислонилась Энн, слабо подражая зеркалу, всё же отражало её необычную внешность. Красивые русые волосы свободно спускались до пояса девушки, слегка задевая светлую раму. Теплые карие глаза, меняющие цвет от светлых до почти черных, в зависимости от настроения. Плотно сжатые аккуратно очерченные губы. Нежный румянец, вздернутый точеный носик и длинные ресни-

цы придавали ее лицу несколько детское или даже кукольное выражение. Её нельзя было назвать милой из-за темных глубоких сосредоточенных глаз, скорее она была хорошенькой. Чуть прикрытые глаза скрывали недетский огонек и хитрые искорки, то и дело проскакивающие во взгляде. Весь вид этой стройной девушки выдавал её природную сдержанность и такт. В обществе она казалась самой образованной и изящной, хотя почти не прилагала к этому усилий.

С самого детства родители прививали ей качества настоящей леди. Сдержанность, вежливость, воспитанность – эти критерии были основными для поступления сначала в Agavon¹ – школу-пансион, куда посчастливилось попасть Энн. Тогда она вместе с родителями жила в Ирландии. В Дублине. Отец девочки хотел видеть ее счастливой, образованной. Он мечтал о том, чтобы перед его дочерью могли открыться любые двери. М-р Левейт старался изо всех сил, постоянно пропадая на работе, связанной с недвижимостью, но оплачивая дорогостоящее обучение в престижном пансионе. Школа располагалась в местечке Брей, примерно в тридцати двух милях к югу от Дублина, в одном из самых красивых, экологически чистых и спокойных мест в Ирландии.

Энн буквально купалась в родительской любви и восхищении окружающих. Девочка наслаждалась каждым мгном, проведенным среди вежливых и сдержанных детей ари-

¹ Agavon – начальная школа-пансион совместного обучения. Возраст учащихся 4—12 лет.

стократов. Несмотря на некую чопорность, присущую многим из ее тогдашнего окружения, Энни была по-настоящему счастлива. Она радовалась каждому приветливому слову, каждой улыбке своих друзей. И пусть даже, родители и не могли навещать ее часто, девочка все равно наслаждалась своей тихой спокойной жизнью. Но все изменилось буквально в один день. Энни навсегда запомнила то роковое число – пятнадцатое марта двухтысячного года. Новый рубеж, начало нового тысячелетия ворвались в тихий мирок девочки и разбили ее будущее, оставив лишь острые осколки, болью отзывавшиеся в душе. Именно в тот день, Энни впервые рыдала от отчаяния – ее горячо любимого отца не стало, его сердце не выдержало постоянной нагрузки. М-р Майклу Левейт было всего лишь тридцать лет...

Слезы обреченности, никогда раньше даже не появлявшиеся в ее глазах, теперь катились по щекам очень часто. Вскоре после похорон, пришло письмо, адресованное матери Энни, Мис-с Марие Левейт, в нем говорилось об исключении ее дочери из пансиона. Поэтому девочке пришлось окончить обычную начальную дублинскую школу.

Конечно, Энни страдала. Она плакала, тяжело переживая потерю отца, а позже и потерю того общества в Agavon, которого она лишилась. Чтобы как-то отвлечь ее, мать решила сменить обстановку и увезла дочь в Дарем², где когда-то жили родители Майкла. На последние деньги открыв цветоч-

² Дарем – небольшой городок, расположенный на северо-востоке Англии.

ный магазин, Мис-с Мария была флористом, осиротевшая семья Левейт заново училась жить по правилам этого жестокого мира, так рано, разлучившего их с отцом и мужем.

Но Энн все равно грустила. Она стала другой. Некоторая замкнутость позволяла ей заводить знакомых, весело болтать со сверстниками, но никогда не становится чьей-то подругой, тем более близкой.

Энни навсегда закрыла в себе горечь утраты, ранее тихая и домашняя, теперь девушка всегда отличалась чем-то: то своими бесконечными увлечениями, то излишней любовью к знаниям, а то и бешеным рвением к школьным клубам. Отчаянно желая понять, почему она вечно в стороне от беззаботных и легкомысленных одноклассниц, Энни стремилась быть как они. Она начала прогуливать школу, в корне изменила свое поведение и даже закрутила пару интрижек, к счастью быстро и без последствий закончившихся.

Анне Клер Левейт исполнилось 18 лет, и, отбросив в прошлое глупые школьные проделки под названием «Операция первая любовь», она окунулась в свободную университетскую жизнь, поступив в единственный в Дареме университет. Теперешнее небогатое существование не позволило девушке учиться на дневном отделении. Поэтому ей пришлось смириться с вечерним обучением.

Целый год, после окончания школы девушка отдыхала. У нее было такое чувство, словно прожита целая жизнь. Да, эта жизнь научила её многому и бесспорно была важной,

но оставила в душе такую опустошенность, что в первые месяцы после окончания средней школы Энни отчетливо чувствовала сквозное ранение в своем сердце. Благодаря этой «маленькой жизни» Энн научилась лгать, именно это и тревожило её больше всего. Будучи истинной христианкой, она исповедала свои грехи в местной церкви священнику, но тяжелые мысли всё же никуда не пропали.

Всегда в душе надеясь на лучшее, Энн тихо жила в своем маленьком мирке, нечасто покидая родной дом. Университет и прогулки по парку вполне устраивали девушку. Школьные знакомые с ней мало общались, они были увлечены разгульной взрослой жизнью, которая захватила их целиком. Да Энни и не хотелось...

Погрузившись в эти нелегкие воспоминания, девушка не заметила, что уже давно начался дождь. Прозрачные, почти невидимые в сумерках капли устало скользили по стеклу. Призрачный, лишь на слух различимый дождь смывал остатки воспоминаний. Распрямив и вытянув затекшие ноги, Энни прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Легкие капли продолжали скользить, а мерный шум дождя убаюкивал девушку, принося облегчение и чувство свежести.

«Я люблю дождь, – вдруг подумала она, – каждая капля, это как какой-то человек. А стекло – это жизнь. Стекая по стеклу, преодолевая все шероховатости, капля словно гаснет. Это так похоже на жизнь. Человек проходит свой путь и так же угасает. Каков же будет мой путь?» – Энни открыла

глаза.

Дождь кончился, и на небе уже появились яркие звезды. Ещё в детстве Энн любила смотреть на звезды из своей кровати. Просыпаясь рано, в детстве девочка почему-то спала очень мало, она тихо усаживалась на подушке, и, подперев маленькими ладошками подбородок, во все глаза наблюдала за сверкающими небесными огоньками. И сейчас она улыбнулась звездам.

Будучи романтиком до мозга костей, девушка размышляла о том, что где-то в мире влюбленные смотрят на эти же самые звезды. В том, что небо везде одинаковое, Энни была уверена. Теперь девушке лишь хотелось, чтобы и она могла разделить с кем-то эту чарующую красоту ночи.

Всегда любившая петь, Энни очень хотела аккомпанировать сама себе. Возможность самой извлекать эти чистые и божественные звуки, она считала высшим счастьем. Но природное нетерпение взяло свое. Дикое упрямство всё – таки не позволило её осилить гитару в одиночку. У Энн всегда находились причины, которые мешали обучению. То струны режут пальцы, то неудобно брать аккорд, то тяжело держать... то находятся другие, более интересные занятия. Между прочим, строптивая девчонка Анна Клер никогда не пускала в свою голову истинную причину – это просто не её инструмент. Задумка с дешевой флейтой окончилась тем же. Сейчас, преисполненная фанатичного упрямства Энни мечтала о фортепиано.

Прокручивая в голове любимые мелодии (Энн обожала классику, но и не отказывала себе в танцевальных мотивах) девушка стала мурлыкать под нос известное сочинение Листа – грезы любви.

Красивый мотив вдруг зазвучал так отчетливо, что Энни невольно взглянула в потолок. Приложив ухо к стеклу, она различила тихое звучание музыки. Девушка решительно дернула на себя створку окна. В комнату ворвались свежий воздух и изящные звуки. Энни была точно уверена, что это ей не показалось. Неизвестный исполнитель чудесно играл её любимые грезы. А эта мелодия... мелодия, ворвавшаяся в её маленький мирок, казалась ещё прекраснее. Она была поистине волшебной.

Прижав руки к груди, Энни впитывала каждый звук чарующего произведения. Ноты, влетающие в открытое окно, словно застывали вокруг нее, и мерцающими звездами кружились в хороводе, распадаясь на мягкие полутона. Темп был особый, медленный, осторожный. Вкрадчиво подбираясь, этот мотив заполнял всю душу Энн. Девушка не шевелилась, боясь пропустить малейший звук этой чудесной мелодии.

В воображении Энни музыка лилась хрустальным потоком, чистым и удивительно изящным, напоминающим ленты. Да, ленты! Удивительные, легкие, манящие, выточенные из красивейшего хрусталя. Такой же чистой и мягкой была мелодия.

Такое пронзительно-менящее исполнение было только у одного единственного на свете инструмента. Это была скрипка!

Этим инструментом Энни «заболела» давно. Легкие, едва ощутимые трели заставляли трепетать душу девушки настолько, что она забывала обо всех несчастьях.

Звуки этого божественного инструмента можно было сравнить с легким бризом, со смехом новорожденного, с мелодией любви, звучащей в сердцах...

Энн невольно улыбнулась, не то своим мыслям, не то звукам музыки. Летящая мелодия вдруг заискрилась печалью. Девушка знала, что в середине есть печальное, грустное место. Но такого исполнения она никогда не слышала прежде!

Вместе с мелодией, которая разрывалась от тоски и слез, Энн вдруг, кажется, пронзила почти ощутимая физическая боль. Быстро застучало в висках, по коже побежали мурашки, на сердце навалилась тяжесть, на глазах предательски выступили слезы.

Энни несколько раз судорожно выдохнула, восстанавливая дыхание. Пока она приходила в себя, музыка уже стала заканчиваться.

«Скрипка плачет... плачет» – прошептала Энн, тревожно глядя в окно. Такое красноречивое и пронзительное исполнение могло быть только у того, кто чувствует такую сильную боль в сердце, что становится страшно при мысли о том, как он или она ещё живет.

Энни, вытирая слезы, вслушивалась в тишину за окном. Тишина. После услышанного девушка уже не могла поверить, что тишина существует. Эти звуки, эхом отдававшиеся у нее в голове, не давали покоя. В том, что это была живая музыка, а не запись, Энн не сомневалась – слишком чистый звук. Неужели хозяин этой затаенной боли в сердце живет этажом выше?

Энни, к сожалению, мало знала соседей, редко покидая дом. До сегодняшнего дня она ни разу не слышала такую пронзительную и печальную трель скрипки! В их четырехэтажном доме, в котором они с матерью снимали квартиру, жили в основном люди пожилые и далекие от музыкальной профессии.

«Неужели это новые жильцы? Возможно...»

Ведь как-то вечером Энн заметила грузовую машину у входа, правда тогда девушка спешила на занятия, поэтому не придавала этому значения. Резко прервав свои размышления, она посмотрела на часы – шел первый час ночи. Не желая сердить маму, Энн, заскочив в ванную, молниеносно привела себя в порядок и направилась к себе. Плотнo прикрыв дверь, девушка забралась на кровать.

Уже засыпая, в полудреме, она подумала:

«Интересно, кто же там живет...»

Глава вторая

Музыкальный листопад

Уже умытое росой яркое утреннее солнце улыбалось городским окнам. Одаривая всех и каждого свежестью нового дня, пронесился легкий ветерок. Мудрые клены, разговорчивые березки, грустные ивы и даже величавые дубы почтенно кивали яркому солнечному диску. Веселые лучики, эти бессменные сыновья и дочери жаркого светила, уже всю резвились, перебегая с предмета на предмет. Они куражились и хохотали, перебрасывая друг другу яркие блики. Ранние прохожие, погруженные в заботы, не замечали эту игру, а для Энни она всегда существовала, отливая сказочной красотой.

Сбросив тяжелые оковы сна, проснулись даремские синицы и воробьи. Начинаясь новый, полный забот и радостей день.

Деловитые синицы тут же затаили свой затейливый мотив: «tit, tit, tit³...»Ещё в начале весны Энни сотни раз слышала его. Неокрепшее, робкое весеннее звучание, сменилось

³ английская синица называется «**tit**», так как именно на этот звук, по мнению создателей слова, похож ее голос, а не на «синь», как привыкли считать русскоговорящие люди.

уже заученной осенней трелью. Птицы, весело перекликаясь, уселись на карниз Энн.

Приоткрыв один глаз, девушка глянула на стену. Красный календарь со скрипкой, нарисованный ею пейзаж, полка с игрушками и с книгами, а так же компьютерный стол, удобное кресло. Всё это составляло маленький мир, ее мир!

Снова закрыв глаз, Энн вздохнула. Переливчатая трель птиц опять убаюкивала, а туманные образы еще незабытых снов мелькали в голове.

Вдруг к пению птиц добавился новый звук. Удивленно распахнув глаза, Энни села на кровати.

Светлые, чистые звуки лились с улицы...

Энн уже слышала эту мелодию. Для девушки она была красивой как море, манящей как свежий рассвет, и как будто остановившей ход времени.

Глаза Энни засверкали, она прижала руки к груди и затаила дыхание.

Эта мелодия была наполнена добротой и печалью, не такая пронзительная как ночью, но трогательная и звучащая с какой-то особой радостью. Да, да, именно радостью с оттенком небывалой грусти.

Скрипка тихо доиграла свою песню, и мелодия растаяла...

Энни очнулась и посмотрела в окно. Робкие синицы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и слушали. Они действительно слушали эти невесомые звуки и молчали, забыв на несколько минут о всех своих заботах.

В голове Энн быстро проносились мысли:

«Кто играет такую чудесную музыку? Почему она такая грустная и почему так завораживает меня...»

Энни встала с кровати и несмело подошла к окну. Потрявоженные ее появлением синицы зачирикали, сорвались с места и полетели ввысь.

Гудел проснувшийся город. Улица была чересчур оживленной, и не замечала этого утреннего музыкального чуда. Опершись о подоконник, Энни смотрела на блестящие окна соседнего дома и улыбалась. Она слышала! Она уже дважды слышала эту необычную музыку!

Раскрыв створки окна, Энни вдохнула свежесть нового утра.

– Нет, я не могу! – вдруг раздалось откуда-то сверху.

Энн с удивлением выглянула из окна, и увидела листки.

Легкие, ослепительно-белые листы, казалось, падали с неба. Они кружились, пытались танцевать с ветром, но всё равно безжалостно летели вниз. Энни быстро протянула руку и поймала один листок. На нем были написаны ноты. Строгие, ровные знаки хранили ту музыку, о которой девушка не имела представления.

Ошарашено глядя на лист, окончательно проснувшаяся Энн покачала головой:

– Да что же это такое...

Снова взглянув в окно, Анна Клер убедилась, что свободное падение листов закончилось. Бросив ноты на подокон-

ник, девушка начала быстро собираться. Наскоро одевшись и проведя расческой по волосам, Энни схватила листок и убежала из квартиры, хлопнув дверью. Торопливо спустившись по лестнице, девушка буквально вылетела из подъезда.

«Да, так и есть. Вот они!» – она прикрыла глаза ладонью, спасаясь от лучистого солнца.

Аккуратные листки трепал легкий ветерок. Их было не много, всего восемь, девятый лист держала в руках Энн. Она торопливо начала подбирать ноты.

Прохожие, недоуменно пожимая плечами, смотрели на худенькую длинноволосую девушку, которая бегала по улице, и качали головами. Кто-то просто шел мимо, а кто-то неодобрительно ронял что-то вроде: «Какая неуклюжая». Но Энни не обращала внимания, с маниакальным упорством она собирала и раскладывала по цифрам чуть помятые листки. В правом верхнем углу было написано красивыми ровными буквами: А. Джойс Воспоминание. Узнав мелодию, Энн вдвойне захотела увидеть исполнителя и поблагодарить его. Мысли теснились в голове и никак не могли сформироваться в четкие слова.

Собрав всё, Энни ласково провела ладонью по листам:
– Такая музыка не должна потеряться... – прошептала сама себе девушка и зашагала в сторону дома.

Глава третья

Веселый Маэстро

Поднявшись на четвертый этаж, Энни остановилась. Собравшись вернуть ноты, девушка совсем не подумала о том, как неприлично вламываться с утра к незнакомым людям, пусть даже и к соседям.

«Я просто верну их и всё! Это мой долг! Я же не напрашиваюсь, я просто... просто...» – Энн сделала неуверенный шаг к дверям и бодро потянула руку к звонку. Ещё не нажав кнопку, девушка вдруг отпрыгнула назад. Дверь внезапно сама открылась, и показался невысокий старик. Он явно куда-то собирался, но увидев Энн, передумал и широко улыбнулся:

– Доброе утро, юная леди! Какая сегодня хорошая погода для прогулки! Светит солнышко, птички поют, небо такое голубое... – забормотал седовласый старичок, добродушно глядя на девушку. Энн недоуменно моргнула и, невежливо оборвав соседа на «голубом небе», протянула листки:

– Возьмите, пожалуйста, вы уронили.

Мельком взглянув на бумагу, старик покачал головой:

– Эх, сынок. – Подняв глаза на Энни, он опять улыбнулся и отодвинулся вглубь квартиры:

– Проходите барышня, ноты отдайте их владельцу.

Энн широко раскрыла глаза и сделала маленький шаг:

– А разве они не ваши Мистер... – запнулась она.

– Кавальи... Эрне Кавальи, – он склонил голову.– Пойдемте и прикройте дверь за собой, пожалуйста, – попросил старик и пошел вперед.

Энн тихо вошла и закрыла дверь. Щелкнул замок. Вздвигнув от щелчка, девушка посмотрела в темноту прихожей. Ещё не отвыкшими от света глазами, Энни попыталась разглядеть куда идти. Прижимая к себе листки, казавшиеся её уже единственным оберегом, она сделала два робких шага. Вдруг зажглась лампа, осветившая темный коридор и приветливого хозяина квартиры.

– Простите, что оставил вас в темноте... Пришлось заменить лампочку, – сказал он глубоким, исполненным искреннего участия голосом.

– Ничего... простите, это я свалилась к вам, как снег на голову, – ляпнула Энн и смутилась. «Где мои манеры?» – пронеслось в ее голове.

Старик рассмеялся и поманил ее рукой:

– Да не смущайтесь, мисс Энни Левейт. Всё в порядке, я сам не люблю чопорные разговоры.

– Откуда вы знаете мое имя? – удивилась Энн, подходя к нему.

– О, эта длинная история... – с готовностью забормotal старик и рассказал, как ее мама помогла ему с растениями

в магазине, и как потом он увидел их вместе.

Энни в это время оглядывала добродушного старичка. Бормоча о сущей ерунде, он казался таким веселым и приятным. Морщинистое лицо ещё сохранило черты былой красоты, взъерошенные седые волосы, невысокий рост и яркая жестикуляция придавали ему чудной, и даже слегка смешной вид, но выражение лица старичка все равно было добрым и приветливым. Казалось, он излучает добродушие. Голубые глаза сверкали детским задором, а пушистые усы топорщились при каждой улыбке их обладателя. Что-то в его облике было особенным. Энни никак не могла понять что. Вдруг она обратила внимание на его руки – длинные изящные пальцы, подвижная кисть...

– Вы случайно не музыкант? – внезапно спросила Энн. Старик удивленно замолк и перешел на «ты».

– А как ты догадалась? – подозрительно хмыкнул он.

– Ваши руки... – смутилась Энни.

– Ах, да, – рассмеялся тот, – руки всегда выдают пианиста. Я бы мог тебе много об этом порассказать... – снова забормотал старичок и вдруг хлопнул себя по лбу. – Да я тебя заговорил совсем... пойдём, пойдём, отдашь ноты, а потом чайку попьём, – заговорщически подмигнул он, взял Энни за руку и повел вглубь квартиры.

Девушка с любопытством осматривала стены. Везде висели старинные картины с какими-то непонятными сюжетами. С удивлением Энни обнаружила явную перепланировку

и обилие дверей. Заметив ее взгляд, М-р Кавальи пояснил:
– Мы объединили две квартиры. Красиво да? – с детской непосредственностью спросил он и ухмыльнулся. Энни кивнула и улыбнулась в ответ.

«Странная квартира, странный хозяин, странный мир. Совершенно не похожий на мой, но по своему прекрасный и интересный» – подумала она.

Широким жестом распахнув дверь, М-р Кавальи пригласил Энн в гостиную.

Войдя, девушка ахнула – казалось, цветы были повсюду. У стен стояли тропические карликовые деревья, уютно укоренившиеся в кадках. Флоксы, розы, гибискусы, фиалки, даже крошечная бонсей нашла здесь свое место. Энни изумилась еще больше, понимая, что даже не знает названий половины растений. Но вершиной восторга девушки оказался, стоящий посередине, вместо стола, огромный черный рояль.

Мебели в комнате было немного: мягкий уютный темно-бордовый диван, пара кресел и искусный, сделанный полностью из стекла, шкафчик, в котором теснились затейливые статуэтки. Все они представляли собой музыкальные инструменты.

Тихо склонившись к стеклу, Энни разглядела глиняный рояль, позолоченную флейту, лежащую на крошечной деревянной партитуре, удивительно сделанную из проволоки валторну... на самой высокой полке стояла, по всей видимости, вершина коллекции и гордость хозяина. Хрустальная

скрипка с серебряными струнами. При одном взгляде на нее, девушка восхищенно вздохнула.

– Нравится? – проговорил М-р Эрне, тоже склонившись к низенькому шкафчику.

– Очень, – прошептала Энн, – Это тоже статуэтка?

– Нет, – самодовольно заметил старик, – это награда на итальянском музыкальном конкурсе «Кремона».

– Красиво, – опять восхитилась девушка и нехотя отодвинулась. Глянув на часы, висевшие на стене, Энни опять ахнула, теперь уже от удивления. Полчаса прошло с того времени, как она пыталась позвонить в эту незнакомую квартиру.

– Чуть не забыла, зачем пришла, – пролепетала Энни. – Так кому мне нужно это отдать? – она кивнула на ноты.

– Да внуку моему непутевому, – вдруг горестно вздохнул М-р Кавальи и громко позвал:

– Андреа!

Глава четвертая

Мрачный скрипач

Через несколько мгновений, дверь в гостиную открылась, и на порог шагнул тот самый «непутевый внук». Энн сглотнула – такого красивого молодого человека, ей видеть ещё не приходилось. На пороге стоял высокий стройный парень с практически идеальными чертами лица. Забыв как дышать, Энни во все глаза смотрела на него. Да, безусловно, Андреа был хорош собой. Черные мягкие волосы, красиво ниспадали на плечи и завивались на концах. Высокий лоб, прямой, чуть вздернутый нос и плотно сжатые красиво очерченные губы выдавали в нем подлинного аристократа. На нем был белый тонкий свитер, черные прямые брюки и пушистые тапочки.

«Так мило и по-домашнему», – мелькнула у Энни мысль, и девушка вдруг спохватилась, что разглядывает его непозволительно долго.

В это время, оказывается, М-р Кавальи уже поговорил с внуком и теперь, кивнув на Энн, продолжил его отчитывать:

– Вот как ты себя ведешь! Мне прямо стыдно перед нашей соседкой! Кстати она принесла все твои ноты.

Андреа лениво перевел взгляд на девушку, вернее на нотные листки, которые та держала в руках.

У Энни опять перехватило дыхание. Взгляд Андреа прожигал насквозь, оставляя в душе чувство панического ужаса. Ослепительно голубые глаза не радовали, а заставляли сердце бешено стучать от страха. Казалось, он готов был ее ударить за то, что она принесла ноты.

Энни боязливо сжала листы и инстинктивно придвинула их к себе. Этот красивый парень пугал ее, она никогда не видела столько затаенной злобы в глазах человека.

Андреа же, наоборот, пристально смотрел не на нее, а на ноты. Он ненавидел их! Ненавидел всей душой за то, что они постоянно возвращались к нему. Потерял их специально на улице – ему всё возвратили в тот же день. Попытался сжечь – помешал дед. И вот, наконец, выбросив в окно – он снова видит листки в руках девушки, которая опять их ему вернет.

«Черт бы побрал ее учтивость!» – с ненавистью подумал юноша.

Видя, что пауза затягивается, Энн, кое-как поборов чувство страха, робко произнесла:

– Возьмите, пожалуйста, – она протянула листки. – Здесь записана такая красивая музыка. Разве можно их выбросить?

Андреа очнулся от воспоминаний:

– Красивая? – снова прожег он девушку взглядом, – да это

самая ужасная мелодия на свете!

Голос младшего Кавальи звучал завораживающе, но в нем тесно переплетались какая-то непонятная злость и, как ни странно, тоска.

Энн покачала головой:

– Не понимаю...

– И не поймете, – глухо произнес юноша, потом в два шага пересек комнату и вырвал из рук девушки листы.

Проходя мимо деда, он снова повернулся к Энни и нехотя выдавил:

– Извините за беспокойство, прощайте!

После этих слов, Андре рывком открыл дверь и покинул гостиную. Энн непонимающе уставилась на его деда. М-р Эрне тяжело вздохнул:

– Простите его, я сам не знаю, что с ним происходит, – помолчав, он добавил. – Мой внук Андре ведет себя так со времен одного конкурса.

– Конкурса? – Энни участливо склонила голову.

– Да. Эта статуэтка, в виде скрипки, получена на музыкальном конкурсе музыкантов в Кремоне⁴.

– Так ваш внук скрипач, – скорее утвердительно, чем вопросительно откликнулась Энн.

– Да и как я могу судить, с большим талантом. Он завоевал этот приз на конкурсе. Ему присудили второе место. Я

⁴ Кремона – маленький итальянский городок. Славится своими скрипичными мастерами и искусно сделанными скрипками.

подозреваю, что там, в Кремоне что-то произошло, – горестно продолжил М-р Эрне. – Но что, не знаю. Андре, – он кивнул на дверь, – ничего не говорит. – М-р Кавальи опустил голову.

Энн, терпеливо слушая, прониклась горем деда. Старик так искренне переживал, что ему было просто необходимо выговориться. Печальные глаза старого пианиста тускнели с каждым словом.

– Энни, – вдруг обратился М-р Эрне к девушке, – простите мне мою излишнюю откровенность, – его глаза увлажнились. – Я просто не могу видеть его таким... Чтобы скрыть слезы, грустный дед встал и зашагал по комнате.

Энн сочувственно посмотрела на него:

– Может, я могу вам как-то помочь? – робко спросила она.

– Правда? – М-р Кавальи быстро повернулся к девушке.

Выражение его было таким несчастным.

– Эээ... да, я бы очень хотела помочь, – несколько неуверенно подтвердила Энни.

М-р Эрне деловито подошел к ее креслу:

– Хорошо. Как только я тебя увидел, я подумал, что ты именно та, кто сможет чем-то помочь Андре.

– Андре... – Энни кинула встревоженный и одновременно опасливый взгляд на закрытую дверь.

– Да, – М-р Эрне взял Энн за руку, – я хочу, чтобы ты помогла мне узнать, что произошло там, в Кремоне, – его глаза заблестели, как у мальчишки, который собрал голово-

ломку, – ты согласна?

Энни снова покосилась на дверь, но чтобы не огорчать старичка, неуверенно кивнула.

М-р Кавальи радостно потряс ее маленькую ручку и улыбнулся. Сделав несколько па по мягкому и пушистому ковру, он опять хлопнул себя по лбу и предложил Энни чаю. Вежливо отказавшись, девушка засобиралась домой. М-р Эрне услужливо проводил ее до двери, и условился, что завтра в десять она снова придет к ним обсуждать «план действий». Энн попрощалась со старичком и выскользнула за дверь.

Не вызывая лифт, девушка спустилась на свой этаж. Войдя в квартиру и сняв кофту, Энни села на кровать и, поглядев на свое отражение в зеркале, задумалась:

«Во что же я ввязалась...»

Глава пятая

Два одиночества

Остаток дня, вернее большую его половину, девушка провела за письменным столом. Учеба ждать не любит, для Энни это не было новостью, ведь ей всегда нравилось учиться, к тому же она очень любила книги.

Сегодня весь день светило солнце, Энн улыбалась этому веселому дню. Периодически выглядывая в окно, она пыталась представить, чем же заняты сейчас Кавальи.

Так спонтанно познакомившись со своими соседями, Энни решительно не представляла, что принесет ей новое знакомство.

– Надо же такой милый дед и такой мрачный внук... – вслух подумала Энн. Вспомнив взгляд Андреа, она передернулась:

– Брр, мороз по коже. Понятно, почему дед так боится, его «внучек» может и убить кого-нибудь, – снова взглянула Энни в окно.

– А как насчет тебя? – тихо произнес кто-то. Энн выронила книгу от неожиданности.

– Мама?! Ну что за привычка подкрадываться, когда я говорю сама с собой... – укорила девушка.

– Извини, не удержалась, – ответила Мис-с Мария Левейт,

и улыбнулась.

Улыбка мамы была такой искренней и теплой, что Энн невольно улыбнулась в ответ; она всегда восхищалась своей матерью, не смотря на ее легкие шуточки. Невысокого роста, прекрасно сложенная женщина всегда казалась образцом изящества. Темные волосы до плеч, теплая улыбка и мягкий свет, словно струившийся из добрых светло-серых глаз завораживал. Энни взяла ее милые черты лица и живой гибкий ум. В остальном они были совершенно разными, но понимали друг друга с полуслова.

Мис-с Мария всегда одевалась просто, с одной особенностью, ей практически всегда было холодновато и даже летом, она могла надеть шерстяную кофту. И сейчас молодая женщина укуталась в теплое бежевое пончо, которое ей подарила на рождество Энн. Пройдя, Мис-с Левейт села в кресло:

– Познакомилась с соседями? – веселые искорки заиграли в ее глазах.

– Да, – проямлила Энн, – не уверена что удачно.

– Почему? Я видела, как ты подбирала листки. Хороший повод для завязывания контактов, – подмигнула мать.

Энни скорчила кислую мину:

– Мама... ты знаешь, я не специально. Так получилось.

И дочь торопливо пересказала историю знакомства. Упомянув взгляд Андре, девушка задала так мучающие ее вопросы:

– Почему он такой злой? Что я ему сделала?

– Ты – ничего, – резонно заметила мать, – это явно был кто-то до тебя. Немного зная жизнь, я могу точно сказать, что для злости нужны как минимум двое. И один из них слаб духом.

– Почему?

– Он и злится. Более сильный обычно провоцирует.

– Ты намекаешь на то, что такого как Андре можно обидеть? – удивленно протянула Энн.

– Можно. И как ты видела очень эффективно, причем настолько, что он теперь замораживает взглядом, – кивнула Мис-с Мария.

– Ты видела Андреа? – прищурилась Энни.

– Да, он покупал у меня горшок для цветов. Видимо по просьбе деда.

– И что ты о нем думаешь? – глаза дочки загорелись.

– Энни, Энни, – засмеялась мать, – кажется, кто-то кому-то понравился. И не думай, что я помогу тебе с женихом, – она шутливо погрозила пальцем.

Энн вскочила и в бешенстве зашагала по комнате:

– Ни за что! Никогда! Он такой злой, жестокий, надменный! Зачем я вообще согласилась? – ероша волосы, Энн остановилась напротив кресла, где сидела мать.

– Знаешь от ненависти до любви – один шаг, – иронично подытожила женщина.

– А от страха до любви – сто лет на крокодиле, – парировала Энн.

– Почему на крокодиле? – шепотом спросила Мис-с Левейт, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Потому что его я тоже боюсь! – дочка плюхнулась на кровать.

Мис-с Мария рассмеялась. Энн, видя, что мама развеселилась, тоже захохотала.

Отсмеявшись, Мис-с Левейт встала:

– Знаешь, милая, не всё так, как кажется на первый взгляд.

Мать погладила Энни по голове и вышла.

– Возможно, ты права... – Энн снова задумчиво поглядела в окно, а там лениво шелестели листья. Девушка снова настроилась на мечтательный лад, для нее деревья словно пересказывали друг другу какую-то сказку. Энн подошла к столу и положила на него упавшую книжку. Наступили сумерки. Фонари уже освещали улицу и с интересом слушали этот затейливый шелест.

– Я тоже хочу услышать эту историю, – вздохнула Энни, резко почувствовав одиночество. Мама! Мама, конечно, была в соседней комнате, но девушка все равно грустила. Эти знакомые ей деревья пробудили такую тоску по своим сверстникам, что Энн кинулась к телефону.

Набрав номер старой знакомой Мэри, Энни успокоилась. Сейчас, сейчас она отвлечется и пообщается. Прозвучал первый гудок, после второго Мэри сняла трубку:

– Алло!

– Мэри, здравствуй! – девушка улыбнулась. – Это Энн. Как твои дела?

– Энни! – обрадовалась Мэри и затараторила в трубку последние новости. В собеседниках она не нуждалась, Мэри сама спрашивала и сама же давала ответ. Редкие поддакивания со стороны Энн, устраивали ее на все сто.

Прослушав часок, Энни почему-то снова загрустила. Попрощавшись, девушка повесила трубку и уселась на подоконник.

«Обычно, болтовня Мэри хоть и не просвещала, зато успокаивала. А сегодня почему-то нет.» – закрались в голову девушки грустные мысли.

Энн повернула голову – ее взгляд скользил по улице: редкие парочки, вновь, по расписанию, пробегающие спортсмены.

«Ничего интересного» – грусть затягивала все глубже.

Чувствуя, что проваливается в депрессию, Энни поспешила встряхнуться, и уже почти отошла от окна, как вдруг опять услышала мелодию. Это снова были «Грезы любви». В этот раз мотив был такой тоскливый и жалобный, что Энн опять расплакалась.

«Как такая музыка может вязаться с образом злого и жестокого парня? Музыка, его музыка выдает все его чувства! Он тоскует, плачет, его сердце, словно истекает кровью!» – сочувствуя, Анна Клер стерла соленые капли и опять прислушалась. Мелодия, роняя слезы, затихла.

Глядя в окно, девушка снова смахнула с лица слезинки:

«Я не могу бросить того, кто играет такую чудесную музыку. Я должна ему помочь!»

Скрипка погрузилась в тишину несколько минут назад, но в сердце Энни она еще звучала, отчаянно рыдая.

В соседнем доме зажглось сначала одно, потом второе окно, и вот уже весь дом засветился волшебным, как показалось Энн, светом.

Энни улыбнулась и подумала:

«Если хочешь, чтобы вокруг все осветилось, стоит, лишь первым зажечь свою свечу!»

Глава шестая

Хитрый план

Следующее осеннее утро выдалось пасмурным и промозглым. Только вчера светило солнце и шелестели еще зеленые листья, а сегодня уже чувствовалась настоящая осень. Угрюмо качались ветки деревьев, ранние прохожие поднимали воротники и скорее торопились покинуть улицу, заскочив в транспорт или помещение.

– Грустно... – Энни потянулась на кровати. Откинув одеяло, она вдруг замешкалась. Сегодняшний день ей хотелось начать правильно, значит, по обычаю или по предрассудку, с правой ноги.

– И раз, два, три... Флай! – вдруг крикнула Энни и спрыгнула все равно на левую. Ее толстый черный котик Флай лениво оторвался от подгрызания листика фикуса. Два янтарных глаза недовольно уставились на хозяйку.

– Флай! А ну перестань! – Энн стала гоняться за котом. Отобрав листок, девушка переставила фикус с пола на тумбочку, потом кинула взгляд сначала на кровать, затем в зеркало:

– Мда... хорошо день начинается, – вспомнила Энн о «левой» ноге.

На часах уже было около девяти. Позавтракав и одевшись, Энни отправилась к М-р Кавальи.

Пробежав по лестнице один пролет, Энн осторожно подошла к двери.

«Так, успокойся, ты пришла помочь,» – скомандовала себе девушка.

После первого же звонка, дверь распахнулась – на пороге стоял Андреа, одетый в длинный серый плащ. Смерив взглядом Энн, он посторонился и, молча кивнул, приглашая войти, а сам пошел вызывать лифт. Энни обернулась, сегодня юноша выглядел скупающе-несчастливым, но совсем не злым.

– Доброе утро, – подала голос Энн.

– Для кого как, – Андре повернул голову, снова пронзая девушку взглядом. В это время двери раскрылись, и скрипач скрылся в кабине лифта.

«Ох, лучше бы я молчала», – Энни подергала пуговицу куртки.

Через секунду на пороге возник М-р Эрне и приветливо улыбнулся:

– Здравствуй, милая мисс! Все – таки согласилась мне помочь? – удовлетворенно подмигнул он, закрывая за Энн дверь.

– Да, я же пришла, – как-то обреченно откликнулась девушка.

Но М-р Эрне ничего не заметил и заговорщически потер руки:

– Ну, тогда пойдем, попьем чай и все обсудим.

Сняв куртку и пригладив волосы, Энни робко прошествовала за ним.

Столовая поражала с первого взгляда, впрочем, как и гостиная. Безукоризненно чистая, она просто сверкала. Повсюду висели полки с аккуратными фарфоровыми чашечками, на каждую из которых был нанесен тонкий изящный рисунок. Такого обилия фарфора Энни видеть еще не приходилось. Нежная хрустальная люстра, казалось, парила в воздухе и распространяла повсюду мягкий свет. Тонкие белые прозрачные занавески с вычурными серебряными цветами красиво оформляли окно. Нежные розовые фиалки теснились на подоконнике. Вся комната пахла свежестью и уютом.

Робко усевшись за огромный круглый обеденный стол, занимавший весь центр столовой, Энни начала рассматривать каждую деталь этой восхитительной комнаты. М-р Эрне сосредоточенно готовил чай и не мешал девушке освоиться.

Вдруг Энни отвлек душистый ягодный аромат, М-р Кавальи уже ставил серебристый поднос с чаем на стол. Взглянув на поднос, Энн снова тихо восхитилась. Изящные чайные чашечки, украшенные затейливой росписью, в паре с блюдцами и милые креманки, в которые хозяин успел разложить аппетитные сладкие шоколадные кексы.

Учтиво подвинув поднос к гостю, М-р Кавальи взял чашку чая:

– Угощайся, милая. Я сам, признаться, очень люблю пить

чай с шоколадными кексами, – с этими словами он взял свежую сдобу и откусил маленький кусочек с необычайным удовольствием. Улыбнувшись, Энни последовала его примеру. Аппетитно захрустев шоколадной корочкой, девушка отпила чай. О, у этого чая был потрясающий вкус, не говоря уже о приятном аромате.

Съев ещё пару кексов и добавив, чтобы Энн не стеснялась, М-р Эрне приступил к делу:

– Как ты понимаешь, Энни, нам предстоит тяжелая задача, – начал он с видом бравого полководца. Собеседница кивнула и отправила в рот остаток второго кекса. М-р Кавальи продолжил:

– Мои попытки не увенчались успехом. Андре всё время уходит от разговора. А один раз он даже собирался сжечь свои ноты, – М-р Эрне помрачнел. – Я подозреваю что-то очень серьезное! Энни перестала жевать и тихо сидела, не перебивая. – Поэтому нужно как-то попытаться его спасти. Сегодня мы можем разработать план, пока он в консерватории.

– Андреа учится в консерватории? – глаза Энн заблестели.

– Да, после конкурса я уговорил его поступить. Взяли без проблем, так как видели и слышали его скрипку на конкурсе. Все в один голос твердили, что он подает большие надежды и будет лучшим на своем курсе.

– Это не так? – Энни покачала головой.

– К сожалению. Андреа не редко пропускает занятия,

не выполняет поурочные планы. Он лишь сдает отчетные работы и играет зачетные концерты. Благодаря этому, его не выгоняют. Все говорят, что он прекрасный студент, понимает с полуслова, но все время замкнут и молчит. – М-р Кавальи понизил голос. – Скажу тебе по секрету, у Андре пропала страсть музыке.

– Я знаю, – тихо откликнулась Энн. – Вернее, я поняла это, – поправилась девушка, – когда услышала его ночную игру.

– Ты слышала? Тогда ты понимаешь, как все серьезно. – М-р Эрне вздохнул. Вдруг его взгляд затуманился. – Музыкой нельзя так заниматься, девочка. Музыкой надо жить, если ты выбрал этот путь, – старик замолчал.

– Да, это серьезно, – кивнула Энн. – У вас есть идеи как ему помочь?

– Есть! – М-р Эрне словно очнулся. Улыбнувшись так, что его усы весело встопорщились, М-р Кавальи торопливо и совсем по-мальчишески затараторил:

– Я хочу, чтобы он стал твоим учителем музыки. Если ты будешь с ним проводить много времени, ты сможешь как-то его расположить к себе и все узнать. Разве не блестящая идея? – старый маэстро улыбнулся еще шире.

Глава седьмая

Смелая попытка

– Моим кем?! – ошарашено переспросила Энн. Вздохнув, М-р Кавальи с удвоенной энергией пересказал все заново, заменив «учителя» на «репетитора». Энни, попытавшейся возразить, был молниеносно вручен третий кекс, и старик стал еще больше развивать свою мысль. Узнав, что Энн ни на чем не играет, он быстро определил ей фортепиано и заговорщически шепнул, что будет ей помогать. Занятия он планировал каждый день, на что девушка так энергично воспротивилась, что озадаченный М-р Эрне выделил ей два выходных. Мягко затронув тему оплаты занятий, Энни была поражена ответом старичка. Никаких денег с нее Андреа брать не будет и точка! Внезапно М-р Эрне, вскочив, начал ходить вокруг стола, продолжая размышлять:

– Так, отлично. Тебе понадобятся нотные тетради и терпение... – М-р Кавальи задумчиво почесал кончик носа.

– А Андреа согласится? – задала резонный вопрос Энн.

М-р Эрне перестал ходить вокруг стола и остановился как вкопанный:

– Об этом я не подумал, – он снова озадаченно почесал нос. – Его нужно как-то уговорить, – старичок посмотрел

на Энн.

– Но как? И вообще в вашей идее есть какая-то нестыковка. Если он скрипач, почему я должна брать уроки фортепиано? – перешла Энни в наступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.